

Ирина КОСТЕВИЧ

12+

Невечнозелёное

Ирина Костевич

Невечнозелёное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385629

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга о смерти и ответственности, для подростков. Действие происходит в Калининградской области. Повесть в 2018 году вошла в "Длинный список" Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру". Автор – член Союза российских писателей.

Глава 1

1.

– Точно дорогу помнишь? Сколько идти? – Ирма сделала вид, что ей некогда грызться с Яндексом, прицепилась к Антону и хочет контролировать ситуацию. – А то ты у нас тот ещё сталкер. Забыл, как на Косу с классом ездили?

Антон помнит. Да, тогда его разыскали с неба, там планеристы территорию заповедника охраняют. Ну и что? Это было до фига как давно, года два назад. И ничего особенного, нашли-то через час всего. Никто не умер.

– Но ты же это пережила...

– В общем, пора в магазин, жратвы купим хоть какой, – предложил Мишаня. – Уже бы поесть пора.

– Пора-пора... Идти пора, а не жрать. Желудок ходячий. Пищеварительный тракт! – Яндекс явно отыгрывался на Мишане, но тот реагировал вяло. Дёрнул Ирму за руку, и они, независимые такие, ушли искать поселковый магазин. А в это время Антон и Янек всё-таки рассказали Димке, что произошло утром у моря. Мишанин брат впечатлился:

– Слушай, если всё нормально кончится, ты мне эту ручку продай, а? Это ж символ журналистики – стреляющая ручка! Я в кабинете у себя повешу, под стеклом держать буду, честно!

– В каком кабинете, Дим? – подколот Антон.

– Ну, кабинет же у меня будет когда-нибудь.

– На этой ручке, может, чего висит – не отмоешься...

– А сколько дашь? – оживился Яндекс.

– Тут вопрос, сколько тебе могут дать. В смысле – припасть, – подпортил другу коммерцию Антон.

Пока он втихаря решал, направо им идти или всё-таки налево, так как дорогу на отцовский хутор с этой точки посёлка Антон помнил плохо, в конце улицы показались довольные Мишаня с Ирмой. Судя по набитому пакету, с продуктами в этой глуши дело обстояло неплохо.

– Ирмуха, расскажи, – ткнул в бок Ирму Мишаня. – Вот там было... Кино, не магаз. Советское кино.

– Ну, почти Толедо... – протянула Ирма. – А продавщица-то! – она глянула на Мишаню, и оба зашлись от смеха. Остальным было не смешно, но что делать... Потерпели. Как и не особо удачный Ирмин рассказ про то, что в сельмаге мухи садились на хлеб, продавщица была опухшая, а полы и стеллажи – старые-престарые. А на дверях там – список сельчан, которым необходимо явиться в амбулаторию делать прививки.

– Я думала, такого уже нигде не осталось! – закатывалась и даже повизгивала от смеха Ирма, а Мишаня её поддерживал. Два беззаботных дурака.

«Хотя они же не знают ничего! Вот им и весело на ровном месте». Антон взглядом спросил Янека: «Рассказать?» Димка, заметив диалог, помотал головой: «Не вздумайте!» Но Яндекс уже разрешил. Не будут же они по дороге шептаться, а обсудить всё как следует – придётся.

– Короче, такое дело...

Когда Антон начал, идиотское ржание стихло, зато с по-луоборота пошли идиотские советы. Предлагалось, конечно же, использовать полицию, авторитетных знакомых и их зна-комых, огласку в средствах массовой информации.

– Да вы дослушайте сначала!

Ирма с Мишаней присели на брёвнышко, почти синхрон-но сложили руки на коленях и приготовились слушать. Толь-ко Ирма села грациозно, а Мишаня бухнулся, как сетка с картошкой. И стал глупо улыбаться. Нет, всё-таки Мишаня слишком инфантилен для своих лет. Так нельзя.

Встали с бревна они заметно погрузневшие. Ирма пошла обнимать и жалеть «бедного Янека». Тот отбрыкивался, от-махивался, но под Ирминым напором сдался, позволил себя зачем-то причесать и пообещал даже, что отдаст Ирме стран-новатого вида жилет на починку – сзади у жилета был вы-рван клоч, и ткань болталась на честном слове.

– Но только – потом, когда вернёмся! – и он тряхнул го-ловой, чтобы волосы легли, как вольно.

– Всё-таки хорошо же, Яндичка, что мы кошку спасли? Видишь, и сюда успели? А ты взял и обидулину словил, – сладко ввернула напоследок Ирма.

Ей никто не ответил.

Повезло, что не было дождя. Размокшая грунтовка – так себе удовольствие, если пилить по ней несколько кэмэ. Вро-де и недалеко, но это для тех, кто не за компом лето прово-

дит. Мишаня быстро сбил ноги, стал отставать, потом разулся, пошёл босиком, поранился о какие-то колючки, обулся, захромал. Услышал пущенное сквозь зубы Янеком «жопачник...» и совсем загрустил.

Антон часто оглядывался. Типа: все собрались, никто не отстаёт? А сам, понятно, Ирму фиксировал. Здесь. Всё в порядке...

Ну что он в Ирме нашёл?

А внутри всё ноет-ноет. Вот и ответ. «Чего нашёл?» – это когда ответа нет, слишком много всего, слов не хватает. Ворчит он, ругается, злится – а как посмотрит на её гибкие пальцы и розовые, плотно прижатые к голове маленькие ушки, вся злость тает. И смеётся Ирма хорошо. И добрая очень.

2.

Дорога иссякла. Да только Антон отлично помнил, что теперь надо идти берегом, по тропинке. А речка здесь интересная. Посреди леса ни с того ни с сего – горный поток. Смешливый, узкий, груды камней то здесь, то там высятся из воды. Упавшие деревья поперёк потока, ненадёжные мостики. А гор поблизости никаких, заметьте, нет. Холмы разве что. Из-под ног прыгают врассыпную лягушата, быстрая вода шумит-звенит. Потом появился новый звук: будто кто встряхивает недовыжатый после стирки пододеяльник. Это низко-низко, прямо над водой, пролетел вдоль реки аист. И скрылся за поворотом.

Было достаточно светло, но начинало холодать. Прибави-

ли ходу – однако Мишаня, замыкавший цепочку, взвыл и попросил подождать, а ещё лучше – посидеть «вон на том диванчике». Мишаня умоляюще махал в сторону поваленных деревьев на берегу. Они, действительно, образовали стволами нечто, смахивающее на очень большой диван. Довершали пародию на интерьер древесные грибы – росли на верхнем стволе, служившем «дивану» спинкой. Грибы, а по форме – точь-в-точь бра.

– О, Мишаня дом свой встретил! – засмеялся Яндекс. – Теперь, главное, комп найди. Вай-фай есть? – Он почему-то уже не злился и даже не было заметно, чтобы нервничал. Наоборот, выглядел вполне воодушевлённым. Блеск привычный в глазах появился.

– Да, кстати, – вспомнил Антон. – Мишань, Ирма, а вы поесть-то что купили? В смысле – мясное брали?

– Как же! – Мишаня потянулся за пакетом.

– Придётся здесь съесть. Они же вегетарианцы. В смысле – мама с папой. Чего им туда тащить... Позориться только.

– Так собаки, может, сожрут за милую душу. Собак-то держат родаки? – Ирма увидела выход из положения.

– Мы и сами можем. Причём тут собаки, – пробурчал Мишка, превращая «диван» в походный стол. – Вперёд!

Антон хотел поесть у родителей, поэтому пикник проигнорировал: лучше пока проверить, правильно ли они идут. Ориентир-то идеальный, только залезть придётся повыше, чтобы его увидеть. Это три красавицы-сосны, которые, на-

верное, помнят ещё охоту кайзера Вильгельма на благородных оленей. «Да не охоту, а сущую бойню!» – обычно комментирует сей исторический факт Королева-Спасайка, а если официально – то его, Антона, мама. И хмурит брови. Сосны очень большие, возвышаются среди леса, как учительницы младших классов в стайке воспитанников. Олени, Антон на старых фотографиях видел, тоже водились в этих местах сказочно крупные. Их называли королевскими. Если идти дальше, в самую непролазную, казалось бы, чащу, то внезапно путнику может открыться памятный знак, установленный в честь охоты кайзера. Или кусок прекрасно уложенной брусчатой дороги. А то и добротный каменный мост покажется сквозь заросли – словно мираж. Всё это заброшено, напоминает декорации к фильму о потерянном мире. Нереальность. Но – реальность.

Антон уж собрался было лезть на дерево, да заметил у берега движение. Похоже, к ним шли.

И повезло, а!? Это же сама Королева-Спасайка с прутиком в руке и соломинкой в зубах идёт-плывёт к ним сквозь чащу, от веток уворачивается. Коза у неё на верёвке, беленькая.

– Мам, ты как дама с собачкой.

Пухлое родное личико вытянулось, брови взлетели вверх. Антон подошёл, обнял. Маргарита справилась с изумлением:

– Антошка!!! Мама-дама... Привет, народ. Ого, сколько вас! – Королева-Спасайка обобрала несколько репьев со своей красной хипповской юбки, оглядела толпу и рассмея-

лась. – А что печальные такие? Вы же в лес пришли! Радоваться надо.

Яшка натянуто улыбнулся, Ирма бросилась гладить козу. Антон вспомнил про «унылую харю» – таким эпитетом Спасайка может запустить в кого-либо, меланхолии предающегося. Сейчас постеснялась, однако.

3.

Димка, пока не откроет рот, похож на французского интеллектуала из 60-х. Чёрные прямые волосы модно острижены в самом что ни на есть барбер-шопе. Удовольствие не из дешёвых, но Димка стрижётся только там, и об этом узнает, пожалуй, любой, с кем он решит познакомиться. Очки в роговой оправе, твидовый пиджак с заплатками на локтях, замшевые ботиночки. Да, этот парень не на шутку собрался в лес...

Дима смотрел изучающе: с мамой Антона он не был знаком. Эта маленькая подвижная женщина не выглядела на свой возраст. Не то, что их с Мишаней маман: полная и строгая, не позволяющая себе ходить в обуви без каблуков и ненакрашенной даже дома. «Я – главный бухгалтер крупной оптовой сети!» Прилепила к себе, как ценник, с ним и живёт. А лет с Антоновой мамой им, надо полагать, где-то одинаково. Интересно, а у этой женщины какой ярлык? Все на себя что-нибудь, да навешивают. Только такие придурки, как его Мишаня, в силу собственной лени не позаботились о ярлычке.

– Мишаня, дебил, с тобой же здороваются!

Мишаня – тому некогда было. Дисциплинированно до-
едал колбасу. С набитым ртом и кивнул.

Антон разглядывал маму: достаётся ей здесь, однако. Хоть она и весёлая, но всё равно выглядит усталой и осунувшейся. Нелегко ей, городской женщине, даётся «слияние с природой». Физический труд – он кого хочешь раньше срока состарит. Пусть даже тут всё прекрасно и замечательно. Жалко Королеву-Спасайку... Впервые в жизни Антон понял, что осуждает отца. «Дауншифтинг», понимаешь... Зачем он всё это им устроил? Жили бы, как люди. Но отец, бросив пить, запойно стал читать Генри Дэвида Торо, ударился в «практическую философию жизни» (уж так он это называет) и забрался в самую глушь Тихого леса. Обжил заброшенный хутор, развёл коз, пчёл. И – сманил, смог убедить приехать к нему маму. Мама как раз уже развелась с тем уродом, и вот – радостно кинулась на помощь. А ведь всё непросто. Суть философии отца – выживание без денег, сознательный «уход от системы».

Вот потому Антон и знакомит сейчас Димку с мамой. Где связь? Прямая. А кто там хотел написать о жизни дауншифтеров? Дмитрий Чурилин, студент журфака. А зачем ему это надо? А потому что он на сайт городских новостей работает. И Лисицыным-старшим восхищался, просил познакомиться. На предмет интервью и вообще – «за жизнь» поговорить. С философом-то! Припрётся Димка на хутор... А ничего. По-

пасёт модный парень немножечко коз в лесу, припасёт им там веников. Дрова полдня порубит, водички натаскает в баню, на пасеке поможет, ямы под новые посадки покопает часок-другой, камней-булыжников для ограды соберёт – может, и разговаривать ему тогда совсем уже расхочется. Димке точно не вредно будет на хуторе побыть. Да и вкалывать так, как он сейчас про Димку представлял, Антону одному не хотелось. А отец приучает к нормальному физическому труду: «Работа, не требующая размышлений... Важно: руки заняты – голова свободна».

– Мам, это Дима, Дмитрий Чурилин, журналист.

– Дим, это Маргарита Назарова, психолог. Моя мама.

– Мам, он у папы интервью взять хочет. Обеспечим ведь, да?

– Ну, конечно! – солнечно улыбнулась Димке Королева. Даже соломинку изо рта вынула. А потом сдвинула брови, и улыбка резко погасла:

– Вот только жаль, он уехал.

Глава 2

1.

Антон рассматривал в телескоп бок луны, похожий вблизи на цементную стенку. Кратеры напоминали застывшие пузырьки воздуха. Действительность за считанные часы успела так кардинально поменяться, что не верилось, будто проблему с бывшим отчимом всё ещё надо решать. Ну какой отчим, суд, тюрьма? Здесь же лес, звёзды, яблоки. Ирма

рядом. Мама неподалёку. Да это счастье в чистом виде. При чём здесь суета с заявлением, угрозами?

Сидели они в чрезвычайно крутом месте. Антон даже не знал, что такие по-настоящему бывают. Снаружи всё было страшенько: примерно, как хижина колдуньи Крейтервейс из сказки про носатого карлика. Но неприметный с виду хутор под завязку набит всеми благами цивилизации. Вот, скажем, телескоп. Дорогуший агрегат спрятан искусно на крыше второго дома. Того, что недоделан. Мимо проедешь, не оглянёшься – мало ли недостроя в округе. Зато внутри тут... Вообще, если б не мама, сроду бы они сюда не попали. А ведь затащила Королева-Спасайка их на хутор к Элизабет Альбертовне чуть не силой. Бабушка-то, Элизабет эта, крепкая, питерской ещё закалки, как сама про себя говорит. Но даже у питерских стальных старух что-нибудь, да болит. Например, ноги. И им требуется такая же помощь, как и остальным пенсионеркам – тем, кто пообычнее и попроще. А помощь – это мама. И её шальное сердце, призывающее помогать всем подряд, при этом ни капельки не заботясь о себе.

Оказалось, отец отчалил в город на том самом автобусе, который они из-за драной кошки пропустили. Другого здесь и нет. Мама ходила провожать папу до остановки, а на обратном пути задержалась. Говорит, поспорила с одним чудакom – ну как можно отрицать очевидную пользу применения сидератов? Вовремя этот чудак подвернулся – а то бы и не встретила Спасайка сына своего единственного в лесу.

И шла ведь она с козой на верёвке отнюдь не к себе домой. Считай, повезло Антону.

Ну, хоть в чём-то повезло.

Зато отец Антона уехал на две недели в экопоселение к другу: дом тому строить. Вот и конец истории про драгоценный совет Лисицына-старшего, от которого будет зависеть успех Яндексовой жизни. Они только зря потратили время и деньги, добираясь сюда. Однако Королеве Антон ничего не скажет даже под пытками. Вот и все дела...

2.

Кошку-то хорошо, что спасли. Но успеют ли теперь спасти дурную башку Янека? Пришлось ехать в посёлок на такси – это вместо рейсового автобуса. А всё из-за подобранной в райцентре раненой мурки, которую потащили в приют. Ну как же, разве Ирма пройдёт мимо бедненькой-разнесчастненькой уси-пусечки – няняшечки! Вот и разминулись. А позвонить Лисицину-старшему, понятно, нельзя... Прямо 90-е какие-то! Антон всхрюкнул, представив, как отец вместо денег за билет протягивает водиле баночку мёда. Схватился: Ирма рядом, а он тут...

Та отвлеклась от звёзд и стала в стопятый раз выпытывать, ЧТО ИМЕННО произошло у моря в Зеленоградске.

– Ну, защищал он тебя, значит. Решил этого припугнуть. Достал пистолет...

– Да не пистолет, а ручку. И там вообще непонятно, кого кого защищать начал. Я смотрю – наезжают. Ну, ты в курсе –

конкуренция, демпинг, «гделицензия?», одним словом – всё такое. Причём сиволапые наехали на нас тётки – что они вообще рассказать туристам могут? А денег им всё мало, жадность одолела. Вот Яшку и сцапали, чтобы туриков, значит, не отбивал. А ты же знаешь, какие он экскурсии водит – куда там этим тёткам. Янек-то реально крут.

Я сначала думал по-мирному разрулить, психологически точно всё рассчитал. И тут вдруг этот вылез...

Антон вздохнул.

– Ирма, я тебе уже всё рассказывал. Давай лучше на Луну смотри. И на туманности. Без обид. Но сколько можно-то? Мне, знаешь, тоже ещё не всё понятно.

Ирма строптиво мотнула свежепокрашенной платиновой башкой, звякнула браслетами и отодвинулась.

«Тоже мне, манипуляторша...» Антон знал, что Ирминых обид хватает примерно на полторы минуты. Потом ей самой дуться надоедает. Так что нормальная она девчонка. И потому можно не париться. Думать о своём.

У Антона, в который раз за эти сутки, перед глазами начала разворачиваться утренняя катастрофа.

Берег моря, променад. И эти три мадамы из турагентства. Кричат, что уголовно наказуемо работать без документов. Что – налоговая! И что сейчас придёт депутат, вообще!

А сбежать некуда, толстые тётки напирают. И кусты шиповника вокруг.

...Антон, став белым и пушистым, лучил улыбку, как

только он и умел, показывая, что всем желает исключительно здоровья и счастья. И вообще, лучше этим тётенькам пожалеть парнишек, а идеально – угостить чем-нибудь вкусненьким. «Мы просто два пятнадцатилетних мальчика – светленький такой, носатый, с незабудковыми глазами в пушистых ресницах, и малостриженный другой. Не такой обаятельный, но тоже с умным лицом. И в клетчатых джинсах. Никакие мы вам, тётки, не враги!»

Но Яндекс, дубина, замысел не оценил, завёлся, и, вырочая «команду», нагелел и пёр напролом. Собачился с дамами. Обвинял в профнепригодности. Задавал каверзные вопросы по истории Кранца-Зеленоградска. Так что, когда из кустов шиповника вылез ещё и мужик, поднимавшийся с обрывистого берега, Антон и улыбаться бросил. Оглянулся в поисках защиты. Присмотрелся: кажется, вдали маячил знакомый силуэт. Нет, обознался. Когда вновь перевёл взгляд на Яндекса, тот уже лежал на потрескавшемся асфальте. Бледный лежал и дёргался. Продравшийся сквозь шиповник брезгливо и осторожно тыкал носком ботинка лежащего.

Антон как парализовало – ярко, как наяву, вспомнил отчима, свою ярость и бессильную ненависть. Тип разогнулся, повернулся к нему – и это оказалось правдой. Перед Антоном стоял именно он. А позади этого уroda корчился в судорогах Яшка.

В голову полезла картинка: пистолет, и сил не хватает нажать на спусковой крючок. Пистолет был стартовый, принад-

лежал отчиму. Антон мечтал убить этого дядьку, когда вырастет. Убил бы уже тогда, но только в семь было рано и непонятно, как именно. В кино, которое показывали по телевизору, не хватало подробностей. Любимая мечта тех лет: он вырастет и станет киллером. Целился, когда не видели, в фотографию на столе. Старался, чтобы даже мысленно не задеть маму – на фото они с отчимом вместе. Разуваешься, развязываешь шнурки – непременно прячь их концы в ботинки: иначе скандал и оскорбления. Отчим приучает быть аккуратным. Семь долгих лет кошмара.

А здесь он что – его друга бьёт?! От ярости сознание почернело и заглохло. Антон бросился вперёд – и тут же улетел в шиповник. Треск и осыпающиеся лепестки. Странный звук. Рядом завопили. Потом опять стало слышно море, и как с пляжа несётся задушевно-протяжное хора бабулек: «Зачем чубатой кра-аса-то-ою казачки сердце па-а-а-карил?» Далее из ниоткуда по частям стала раскручиваться сложносоставная матерная фраза. Голос отчима. Антон потряс головой – в ушах звенит! Стал выбираться из кустов.

Яшка уже очухался. Но смотрит, как упоротый енот. Сидит на асфальте, крутит в пальцах ручку. Бывший отчим, выпятив грудь, трясушимися руками снимает пиджак.

Антон кинулся к другу. Тот с отстранённым смешком продолжал крутить ручку.

– Выстрелила. А я пугнуть хотел. А она работает...

Антон пригляделся внимательнее к отчиму. Вернее, то-

му, что тот ошеломлённо держал, рассматривая. Пола пиджака разнесена в клочья и обуглена. При этом ткань всё ещё дымилась. А наглаженная голубая рубашка отчима осталась нетронута, да и сам он производил впечатление не раненого, но на время сильно растерявшегося человека.

Вот здесь-то Антона и взял бывший «папа» за локоток, да и отвёл в сторонку. И произошёл тот самый разговор. Закончившийся ультиматумом.

3.

Потом они с Карповым возвращались на электричке в Калининград, Антон тихонько сочувствовал Яшке. Ничего не говорил, но поддерживал. Как-то у него это всегда удачно получалось. «Забота пошла» – шутила в таких случаях Королева-Спасайка.

– Что будет-то... – уже на выходе из Северного вокзала проямлил Яндекс.

– Ты где эту хрень взял?

– Когда вещи у дяди Вовы в сарае разбираю. В ящике. Сам понимаешь.

«Значит, дядя Вова всё-таки был» – мысли в перегруженный Антонов мозг приходили на редкость тупые. А вообще ему бы подумать о другом. О том, что сказал ему отчим. О чём они договорились. И что нельзя знать никому на свете. Или всё-таки лучше пойти в полицию и всё рассказать, как есть? А как же Янек?

– Так что теперь будет-то... – Яшка даже пытается изоб-

разить удальство и безразличие. Но дважды один и тот же вопрос – это не удальство уже.

– Ты пока дома посиди. Этот мужик, он... он сказал, что всё решит, ну... Он мой знакомый оказался. Короче, просто дома сиди. Увидишь, всё нормально будет. Яш. Ты пока вопросов не задавай. А ручку, он сказал, отдаст потом. Потерпи. Только мы её после вместе выкинем. Вспоминая и подбирая слова, путая слоги, Яшка всё же выдавил:

– А как же мя-пать? О дяде Вове?

Антон аж подскочил от возмущения. Выругался.

– Как бы от нас с тобой мяпать не осталась.

Кумир Янека – его знаменитый дядя Вова, большую часть жизни просидевший по разным поводам в тюрьмах. Вступался не за кого надо, игнорировал покровительство нужных людей, боролся... Доборолся до открытой формы туберкулёза. Так и сгинул где-то в Архангельской области. И вот уже полгода, как Яшкина мама стала полноправной владелицей комнаты в коммуналке, а сам Яндекс – наследником дяди-вовиноного сарайчика. Разбирает старый хлам понемногу, хвалится то заплесневелым манускриптом, то плётку с ручкой из чьей-то ноги с копытом нашёл. Тащит всё в дом. Другая бы мать это добро на помойку снесла. Но мама Яши очень терпеливая, балует дурака своего, как может. А отец у них в Москве остался, другую семью завёл. Янек о нём и не говорит никогда.

Яшке, как и Антону, пятнадцать. И у него, дурака, желез-

ная пластинка в дурной башке, там же – масса всякой информации и ни малейшего представления о действительности. Вот кого спасать надо. А отчим сказал: «Приедет ко мне твоя мать – отдам заявление. Будем в расчёте. Скажешь кому – посажу и тебя, и этого». А сказал – сделает. Он же аккуратный. Если бы только шнурки в ботинки. А то ведь и жизнь чужую в унитаз. Методично. Сосредоточенно посапывая.

Глава 3

1.

Мало-помалу всё вокруг стихло. Ребятишки разбрелись кто куда, и Маргарита наслаждалась покоем на низкой скамье под яблоней, привалясь спиной к стволу. Сын с этой смешной девочкой Ирмой отправился на крышу «смотреть звёзды». Ну-ну. Димка вроде серьёзный парень, вот и Элизабет Альбертовна произвела на него сильное впечатление. Ещё бы: вдова диссидента, правозащитница... Да с таким человеком, как она, раз в жизни встретился – и то, считай, не зря жил. Дурачок Антоша, с девочкой убежал. Это-то всегда успеется. А вот ему бы с Элизабет пообщаться! Димка от неё не отходит. Антон, балбес, даже не понимает, к кому в гости попал. А сколько судеб спасла эта легендарная женщина! Да и сейчас её жизнь – подвиг и стремление помочь. Благо, телефон-интернет бесперебойно служат ей даже в этой местности. Но – не у них на хуторе. Там устойчивое Средневековье.

Впрочем, Средневековье было не самым плохим време-

нем. Люди заботились друг о друге, помогали вдовам и сиротам. Хотя и ведьм жгли, чего там. Маргарита любила представлять себя в той эпохе, но имела сомнения насчёт костра. В Калининграде даже ходила на место Фиалковой горы – именно здесь в последний раз в Кёнигсберге сжигали ведьму. А сейчас лютые ведьмы работают в министерствах и ведомствах, и ничего им не делается, а о Фиалковой горе знают лишь специалисты. Цветами фиалок посыпали пролившуюся на землю кровь казнённых, отсюда и название.

Маргарита задумалась, затем распахнула принесённый ежедневник. Было ещё не вполне темно, а скорость письма у неё развилась исключительная. Восстановился студенческий ещё навык, ведь и компьютера у них на хуторе, конечно же, нет. А откуда он возьмётся, если живут они без электричества вообще? Разговоры про солнечные батареи ведутся, конечно. И про мини-гидростанцию. И про ветряк. Ещё, бывает, про биотопливо речь заходит. Но пока это только разговоры.

Иногда Маргарите становилось до слёз себя жалко. Тот душевный покой, о котором она мечтала и который обещал ей муж, что-то никак не наступал. Маргарите нравилось просыпаться по утрам, если накануне она сделала что-то полезное. Тогда её не мучили сожаления, отступал вечный страх за сына. А изо дня в день носить воду, возиться с козами и собаками, пчёлами, приготовлением еды в дровяной печи и стиркой в реке ей уже не так нравилось, как прежде. Всё это

было бессмысленным – если бы, конечно, не отец Антона. Он не пил. А значит, это время спасения и надежды. Но сейчас Антон-старший уехал «на большую землю». И это ужасно, на самом деле-то. Она столько ради него претерпела – но будет ли прок? Там, в новой компании, он запросто может сорваться. И что тогда... О, она это уже проходила. То страшное чувство, когда спиртное возникает отовсюду, оттуда, где его и быть вроде как не должно. Это чудовищно, будто под землёй текут невидимые водочные реки, и стоит произнести заклинание, как открывается новая артезианская скважина. Если бы всё потом сходило безобидно на нет. Но так не бывает. Маргарита прекрасно знала, как менялся её муж от выпитого, что начинало происходить с его личностью, каким агрессивным и поганым он вмиг становился. Она готова жертвовать собой, сколько потребуется, но вернуться к тому, что было?

И она не может жить без него – физически не может, как без воздуха. Она пробовала оторваться, завести нормальную семью. «Нормальная семья» оказалась тюрьмой, а тот её муж – вертухаем. «Не знаю, простит ли меня когда-нибудь сын...» Маргарита грустила и записывала в дневник события и наблюдения сегодняшнего дня. А потом отвлеклась, стала выводить в столбик дела:

Заготовить 20 веников

Разобрать в сарае

Отнести Ире сыра

Покрасить козу

На последнем пункте Маргарита задумалась и поставила вопросительный знак. Раньше она козу не красила, и сейчас колебалась – надо ли? Но на свежих вырубках в лесу появилось много зверобоя, а коза-то белая... Как бы не траванулась. Зверобой потому так называют, что вызывает повышенную светочувствительность у белых коз, овец, свиней. Если днём держать не в тени, появится зуд, животное начнёт неистово чесаться – до язв, до слабости. Мучается и может даже издохнуть. Не надо нам этого!

Знающие люди посоветовали Маргарите козу покрасить. Но не сказали, чем. Одна надежда – на интернет Элизабет Альбертовны. Но пока в интернете она нашла лишь, как красить овец в «Майнкрафте».

Вот всегда у неё так. Опять хлопоты. Даже смешно, если подумать. Но плюс в отсутствии электричества всё-таки имелся: читала теперь Маргарита очень много. А чем ещё заняться-то, кроме отупляющей работы? И великолепно, что неподалёку живёт Элизабет Альбертовна. Это просто подарок пространства какой-то! И как же ей уже прямо сейчас не хватает мужа. Как он там... Билет купил друг, всем обеспечит. Только б не выпивкой.

К яблоням кто-то быстро шёл. Маргарита приняла беззаботный вид, откинула прядь со лба, рассмеялась и захлопнула ежедневник.

– Это что там ещё за полуношники?

Из сумерек проявился Яша. Выражения его лица было не разглядеть, но Маргарита почувствовала исходившее напряжение и даже страх. «Что это с ним?» Янека она знала больше года, и он казался ей на редкость беспроблемным челочком. «А ведь мальчик читает, и много! Но при этом жизнь его совсем не пугает... Сказывается детство в Москве», – так или примерно так думала она о Янеке. И теперь мгновенно насторожилась: ох, не понравилась ей эта перемена в товарище сына.

– Яша, а где остальные?

– Не знаю, Маргарита.

После её имени повисла маленькая неловкая пауза, фраза будто осталась незавершённой.

Янека, по правде сказать, бесило, что надо называть Антонову мать только по имени. Дико как-то – взрослую женщину. Но отчества у Лисицыных-Назаровой были под запретом: «Мы не чиновники и не учителя, оставь эти глупости!» И всякий раз его передёргивало. Он кашлянул, перевёл дух:

– Маргарита, мне надо кое-что вам рассказать.

2.

Ирма сидела рядом с Антоном и мёрзла. К тому же её одолевал вопрос – в каком состоянии окажется завтра утром её причёска? Сгоряча, но всё же не без тайной мысли, она согласилась ехать в лес, и мама разрешила – Чубрик-то безобидный, и родители его там будут. Мама давно уже ругает Ирму за Антоху: мол, глазки строишь парню, а сама пле-

вать на него хотела. Разве так можно? Но Ирме очень-очень надо было уехать из города. Да и узнать про приют, попросить помощи, поддержки – тоже надо. Ну и что, что она при этом нравится Антону? Что тут плохого-то? Это нормально – всем нравится.

И вообще, не мамино это дело. Конечно, она мамулю обожает, но мама такой слоупок иногда. Возраст, всё-таки. Нервы. Милый розовый слоупок, не понимающий очевидного. Например, такую простую вещь, что её, Ирмины чувства – это вообще ничьё, кроме как её собственное, дело. А если ей нравятся взрослые парни, что теперь? Дима вот ничего, только мелковат, жалко. А Чубрик – он славный, няшечка. Правда, лучше его не доводить. Но Ирма всегда умеет вовремя остановиться. Потому что Чубрик иногда бывает ужасно обидчивым. И ужасно милым, когда разозлится и орёт. Он так умеет хлопать ресницами в случае несогласия! А ресницы у него пушистые, светленькие. Длинные девчачьи ресницы. А ещё Ирме нравится, что Антоша всегда её понимает, поддерживает. Если ей весело, то и он веселится. Настроения не портит, не зануда, вообще. Свой парень. Также он очень хорошо может всё рассчитать – Ирма-то опаздывает, то есть задерживается, постоянно. А с Чубриком в этом смысле надёжно. Ну, может быть, потом, потом-потом, она возьмёт и выйдет за Чубрика замуж. Ну, только сильно потом. Потому что мало ли как сложится. Сходит первый раз замуж не за Чубрика, а потом уж, может, и за него. Если он

дождётся и не сильно обидится.

Замуж первый раз надо идти в белом платье. Денег будет много-много. А иначе что за свадьба, кому она нужна? Значит, так: поскольку хватит на всё-всё-всё, можно, не экономя, заказать платье от Каролины Эрреры. Ну, например, кружево шантильи по тюлю. Да, а тюль пусть будет телесного цвета. Отмечать можно будет в Светлогорске, на море. А потом сразу – в свадебное путешествие по Швеции. А гостей будет человек двести, не больше. Нет, чего это она? Уже ведь всё решено. Сначала официальная часть пройдёт у них в Концертном зале. Надо к гастролям какой-нибудь знаменитости подгадать. Уговорить, пусть выступит у неё на свадьбе, жалко, что ли? И потом она такая выходит на сцену, в свадебном платье. Играет... ну, потом решит, что играть. Платье со шлейфом, жених такой красивый-красивый, ослеплён ею, ничего не соображает. А она его за руку берёт и ведёт. А во внутреннем дворике уже все гости собрались, администратор из загса ждёт, расписывает их, и можно ещё заказать такие специальные облака. Сейчас есть машины, они облака любой формы выдувают. Ну вот, потом облака летят, никто ничего не понимает, все обалдели, фотают: что за облака в виде имён? Музыка опять, торт свадебный – взбитые сливки с вишней, надо будет кружевные тарелочки всем гостям одноразовые, шампанское дорогое. Все поздравляют, и ведут к карете. А карета – ландо такое, запряжена двумя лошадьми изабелловой масти. И они садятся с женихом, и выезжают.

А у них же там кругом брусчатка: копыта лошадей цокают по брусчатке, все останавливаются, смотрят, снимают. И она сидит со своим теперь уже мужем, и вокруг цветы. А в небе облака с их именами плывут. А люди стоят на тротуарах, и снимают, снимают, снимают их. А потом все приглашённые рассаживаются по машинам – хорошо бы, чтобы у всех такие, либо белые, либо мокрый асфальт, одинаковые, и мчатся к морю, в Светлогорск. А там уже в ресторане банкет, столы накрыты скромно, но со вкусом. Там тоже музыка живая, скрипки, ну, это-то несложно, скрипачей найти. Такая классика везде, Шуберт, хрусталь, свечи, белые розы в высоких вазах...

Тут Ирме внезапно стало скучно. Но картина была всё-таки ня. «Ладно, в первый раз замуж схожу торжественно, а на второй свадьбе оторвусь!» Вот с Чубрюхой можно оторваться на свадьбе. А первый раз – нет. Всё должно быть элегантно. Мы с Андрюшей... Ой, не надо про это сейчас!

И влип же Яшка в историю! А вот Яшенька нравится Ирме куда больше Антоши. Он brutальный такой, вырастет – вообще классный мужик будет. Но всё равно так, как друг он ей. Ну, ругаются, конечно, с Яндексом. У них интересно – на расстоянии или в компании там всё более-менее, каждый своим занят. А когда одни – такая хрень начинается, туши свет. Ладно, ерунда. Маленькие они все пока, мальчишки. Глупые-глупые. Эгоисты. Дима ещё этот – старается. Ага, так она и разбежалась в него влюбляться! У Ирмы есть своя тай-

на, и никто из них никогда о ней не узнает. Да, Андрей совсем взрослый. Работает у них в Концертном зале. И она всё правильно рассчитала – пусть ему скажут, что Ирма уехала в лес с ночевкой: посмотрим, будет ли злиться? Интересно, просто ужас как! Она наслаждалась тем, что становится всё старше и старше. Жизненный опыт появляется. И к Андрею всё так серьёзно, что...

– Что? Ну-у, Чубрюха, мне надоело уже. Пойдём вниз! Да не нужна мне твоя куртка, я всё равно замёрзла, как собака. Хочешь тоже замёрзнуть за компанию? Идём уже отсюда!

А звёзды, конечно, красивые. Но вот если бы здесь сейчас сидел её Андрияша, а не Антошка... они были бы ещё лучше. Вот как бы это сказать? О, точно! Бриллиантовее. А так, с Антошкой – ну, светятся, будто стражики.

3.

Мишаня заключил с Элизабет Альбертовной небольшую сделку. Он никогда не старался специально совершать сделки на выгодных для себя условиях, но почему-то в итоге всё оказывалось именно удобно. А удобно – это значит сытно, уютно и К О М П.

Старушке Элизабет требовались новые глаза. Да, так она и выразилась, энергично размахивая двумя тяжеленными на вид лупами. Очки она не признавала потому, что они – любые – сваливались с её короткого кукольного носа. А также натирали череп за ушами. Контактные же линзы кончились, и следующие курьер обещал привезти только через два дня.

Так и продал Мишаня этой правозащитной ведьме свои молодые глаза. Стал читать ей вслух письма из колоний для несовершеннолетних – долго и нудно, прерываясь лишь на взрывные комментарии Элизабет Альбертовны. Было ему не то чтобы интересно, однако, если задавать побольше вопросов, то старушка разговорится. А в это время можно свернуть Элизаветин почтовый ящик и тихонько слазить на любимый Steam; проверить, чего там свеженького «ВКонтакте» выложили, перекинуться парой мемов с одним кентом под ником Семьслоноводинкотейко из какой-то неведомой Лойны. Вот почему Мишаня то и дело изобретал вопросы.

Да и Яшку потом можно будет грамотно потроллить, как раз его сейчас тема.

– А если собираются на малолетнего заявление подать, что ему делать?

– В первую очередь, рассказать всё до мельчайших деталей взрослым, родителям. Это если они адекватны. – Элизабет Альбертовна что-то вспомнила, и её свиное лицо с набрякшими мешками под ледяными глазами немного сморщилось. Мишаня в это время успел набрать сообщение симпатичной, судя по аватарке, Аномалии, стараясь при этом не клацать клавишами: «Чо как дел, крассаффка?» Ответ не приходил, Мишаня заскучал и даже вслушался в старушкино скрипение:

– ... и это самое главное, чем реально можно поспособствовать в таком случае.

– А если не поможет? – быстро нашёлся Мишаня и, пока бабушка распространялась, сделал вторую попытку. Теперь он, стараясь незаметно шевелить пальцами, писал Брошенной Кукле из Беляевки, на фотке прикрывающей рот рукой на фоне узорчатого ковра.

Пришедший ответ заставил компьютерные колонки щёлкнуть. Мишаня молниеносно отключил звук. «Переживаю острый экзистенциальный кризис» – гласило сообщение. «Уважаю..., – ответил Мишаня. – А вообще как жизнь?» – «В деле выживания каждый каждому враг, и любая боль – ничто по сравнению с фундаментальным триумфом выживания. – Элиас Канетти».

Мишаня пригорюнился.

– Так, ну ладно. А теперь давай писать ответ! – приказала Элизабет Альбертовна.

– Какой ответ? – испугался Мишаня.

– Автору письма, которое ты мне сейчас читал. – Пожилая дама надменно пожала плечами. – Кому ещё? Или ты, дружок, хочешь написать ответ кому-то ещё?

Мишаня вежливо соврал, что не хочет.

– Так. Составим ему письмо, потом найдёшь у меня адрес хорошего адвоката, он как раз подростками занимается, и ему напишем. Возможно, это поможет сдвинуть дело с мёртвой точки. Только надо подумать, как именно. Иногда даже интонация решает дело... ты меня слышишь?

– Да-да, конечно. Давайте. Скажите, пожалуйста, а кто та-

кой Элиас Канетти?

Элизабет Альбертовна потрясённо глянула на Мишаню.

– В каком смысле: кто это?

– Ну-у, типа – Гугл мне в помощь... – забормотал Мишаня, краснея. Он страшно не любил признаваться в том, что чего-то не знает, а тут надо же – взял и ляпнул. Вон даже девочка у ковра из какой-то там Беляевки знает, а он опять, будто лох какой ...

Старая правозащитница разулыбалась, как подсолнух.

– Прелестное дитя, откуда ты вообще можешь знать это имя? При нынешнем-то уровне образования... Ты в каком классе? В девятом? Обычная школа? Фантастика! Телевизор, может, смотрел? Канал «Культура»... Нет? А кто тебе сказал?

– Да так, подруга одна моя...

– Миша, держись этого человека! Элиас Канетти – автор важнейшего труда «Масса и власть», он схватил за горло весь XX век, как сам и признавал. Это надо читать, читать каждый день. А знаешь, я тебе подарю! Вот даже сейчас не поленюсь, и принесу. Прямо сразу. Это нужно! Это – развитие!

И сумасшедшая бабуся, сильно хромая и стуча палкой, исчезла в тёмном коридоре. Мишаня, дождавшись, пока стук палки отдалится, быстро залез в поисковик, нашёл текст Канетти, скопировал первую попавшуюся фразу и хотел отправить Брошенной Кукле, но в последний момент закомплексовал: а не будет ли он выглядеть лошарой? Поэтому, ещё

подумав, поёрзав и повздыхав, убрал простоватое «Столь же загадочное, как и универсальное явление – внезапное возникновение массы там, где перед этим было пусто. Стояло пять, может, десять, может, двенадцать человек, никто ни о чем не объявлял, никто ничего не ждал – и вдруг всё вокруг черно от людей». Вот почему, например, от людей «черно»? Может, о гастерах здесь пишет или о неграх этот Канетти?

В итоге Мишаня, решив проявить уважение и нейтралитет, отстучал на клавишах: «Канетти – Збс пишет». Поразмыслив, поставил ещё четыре восклицательных знака подряд и отправил сообщение. Быстренько ушёл с сайта – как-то не по себе ему стало. Да и есть чем заняться – зайти на Steam и посмотреть: «обновы» появились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.